

Пругавин Александр Степанович

**Запросы народа и обязанности
интеллигенции в области
просвещения и воспитания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Степанович П.**
Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания /
Пругавин Александр Степанович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 572 с.

ISBN 978-5-519-79729-0

ISBN 978-5-519-79729-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

конечно, слишкомъ хорошо извѣстны, посвятивъ нашей книгѣ особую статью ¹⁾, высказалъ въ ней цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній и возраженій.

Правда, это не помѣшало г. Пыпину признать въ своей статьѣ, что книга наша представляетъ „величайшій интересъ“ (стр. 258), что она „сообщаетъ много любопытнѣйшихъ свѣдѣнй о томъ важномъ общественномъ и даже государственномъ интересѣ, какой представляетъ умственная жизнь народа, степень его развитія, количество и содержаніе знаній, какими онъ владѣетъ“, что далѣе она содержитъ въ себѣ „столь же любопытныя свѣдѣнія о тѣхъ бытовыхъ формахъ, въ какія складывается удовлетвореніе умственныхъ потребностей“ и что, наконецъ, въ книгѣ „приводится рядъ фактовъ частной дѣятельности на пользу народнаго образованія, примѣры которой внушаютъ нерѣдко глубокое уваженіе къ безкорыстнымъ дѣтелямъ на этомъ трудномъ поприщѣ“ (стр. 259). Г. Пыпинъ высказываетъ увѣренность въ томъ, что трудъ нашъ внушенъ „самой преданной любовью къ дѣлу народнаго образованія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ удовольствіе по поводу того, что изданіемъ этого труда положено нѣмало дѣлу фактическаго и детальнаго изслѣдованія современнаго положенія народнаго образованія и отношенія къ нему народа и что „вмѣстѣ съ другими трудами, которые соприкасаются съ тѣмъ же вопросомъ, эта работа послужитъ къ выясненію вопроса въ общественномъ мнѣніи, а послѣднее рано или поздно воздѣйствуетъ на оффиціальныя мѣры по этому вопросу“.

Но въ то же время г. Пыпинъ горячо протестуетъ противъ нашей „постановки вопроса“, такъ какъ въ этой постановкѣ онъ усматриваетъ ненавистный ему

¹⁾ «Народная грамотность», «Вѣстникъ Европы», 1891 г. № 1.

„народнический взгляд“ на дѣло народнаго образованія. Взглядъ этотъ, по мнѣнію г. Пыпина, выражается и въ самомъ заглавіи нашей книги: „Запросы *народа* и обязанности *интеллигенціи*“. Г. Пыпину крайне не нравится „то противоположеніе, какое ставится обыкновенно у народниковъ между этими двумя долями націи и которое какъ бы предполагается заглавіемъ книги“. По увѣренію его, подобное противоположеніе встрѣчается только въ нашей литературѣ, что только у насъ, въ Россіи „ставится антитеза народъ и образованные люди“, что „во всякомъ другомъ обществѣ такая антитеза не имѣла бы смысла“ и что для того, „чтобы изобрѣсти такое противоположеніе нужна была большая путаница понятій“ (стр. 255). Дальнѣйшія свои недоумѣнія г. Пыпинъ выражаетъ въ цѣломъ рядѣ вопросовъ: „въ чемъ заключается обязанность интеллигенціи? спрашиваетъ онъ. Кто установилъ ее? Имѣетъ-ли интеллигенція возможность исполнить эту обязанность“? И наконецъ: „что могъ подразумѣвать авторъ подъ названіемъ интеллигенціи“? (стр. 256).

Переходя затѣмъ къ разбору нашихъ положеній относительно народныхъ запросовъ въ области образованія, г. Пыпинъ спрашиваетъ: „въ чемъ состоятъ запросы народа и кто ихъ опредѣлилъ?“

«Авторъ настоящей книги,—заявляетъ онъ по этому поводу, —поступилъ бы вѣрнѣе, во-первыхъ, если бы сами запросы народа поставилъ дѣломъ не рѣшеннымъ, а искомымъ, а во-вторыхъ, если бы «обязанности» направилъ не къ интеллигенціи, которая есть классъ весьма неопредѣленный, совершенно неорганизованный и, наконецъ, не имѣющій ни права, ни возможности распоряжаться народною школою и грамотностью, а къ тѣмъ вѣдомствамъ правительственнымъ, городскимъ и земскимъ, которыя имѣютъ власть надъ народною школою или имѣютъ извѣстное право участія въ ея устройствѣ: это—министерство народнаго просвѣщенія, духовное, военное

и иныя вѣдомства, имѣющія свою школу, наконецъ городское и земское представительство. Въ этой постановкѣ дѣло было бы совершенно ясно: писатель, принимающій къ сердцу интересы народной грамотности и образованія, обращался бы прямо къ тѣмъ властямъ или тѣмъ представителямъ общества, которые имѣютъ дѣйствительное право и возможность принимать тѣ или другія общія мѣры по этому предмету. Когда, вмѣсто того, онъ обращается къ интеллигенціи, онъ ставитъ вопросъ на чрезвычайно колеблющуюся почву: «интеллигенція», какъ таковая, не можетъ принимать никакихъ мѣръ; если бы даже она, вслѣдствіе убѣжденія автора, укрѣпилась въ необходимости работать для народной школы, она, въ нынѣшнихъ условіяхъ дѣла, не имѣла бы ни малѣйшаго права вмѣшательства въ это дѣло и вся въ цѣломъ своемъ составѣ была бы безсильна передъ первымъ инспекторомъ народныхъ училищъ» (стр. 257).

Въ нашихъ заявленіяхъ о необходимости самаго широкаго участія частной инициативы въ области народнаго образованія и въ нашихъ призывахъ о пожертвованіяхъ на это дѣло, г. Пыпинъ усматриваетъ желаніе съ нашей стороны все дѣло просвѣщенія народа всецѣло оставить на рукахъ одной интеллигенціи и обязать ее вести это дѣло исключительно на тѣ частныя средства, которыя могутъ быть получены путемъ пожертвованій. Заподозривъ насъ въ подобныхъ стремленіяхъ (смѣемъ думать, совершенно произвольно). г. Пыпинъ горячо оспариваетъ ихъ и доказываетъ необходимость широкой и прочной постановки дѣла народнаго образованія на средства государства. Вмѣстѣ съ этимъ г. Пыпинъ обнаруживаетъ явно отрицательное отношеніе къ частной инициативѣ въ области народнаго образованія, причемъ сознательную общественную потребность, которая выражается въ этой инициативѣ, онъ низводитъ до простой благотворительности и филантропіи, а пожертвованія на дѣло народнаго просвѣщенія презрительно обзываетъ „подаченіемъ“, унижительно для достоинства народа.

«Какъ ни заслуживаетъ уваженія любовь къ ближнему и филантропія,—говоритъ г. Пыпинъ,—намъ кажется, что столь великое дѣло, какъ народное образованіе, не можетъ быть основываемо на одной филантропіи. Такимъ образомъ, вопросъ, который авторъ книги, по-видимому, хотѣлъ поставить весьма универсально, въ сущности, поставленъ очень тѣсно» (стр. 258). «Филантропія есть несомнѣнно прекрасное дѣло, но ставить удовлетвореніе потребностей «стомилліонной массы русскаго народа» въ зависимость отъ пожертвованія, т.-е, отъ подаенія, намъ кажется даже не унижительно, ли какъ будто для достоинства этой стомилліонной массы?...» «Мы должны бы, кажется, весь вопросъ ставить иначе—развивать мысль не о томъ, что кака-то «интеллигенція» обязана за что-то расплатиться съ народомъ, устраивая для него филантропическія школы, а о томъ, чтобы народное образованіе, независимо отъ всякой личной филантропіи, поставлено было тѣмъ нормальнымъ образомъ; какимъ оно могло быть, и было поставлено у другихъ народовъ, чтобы народъ пользовался извѣстной долей образованія не вслѣдствіе случайной благотворительности, а въ правильномъ, законномъ порядкѣ вещей....» «Проповѣдь филантропіи питаетъ заблужденіе, отводитъ глаза отъ необходимости ставить вопросъ во всей его національной, государственной широтѣ.... Одно государство въ состояніи принять широкія и обязательныя мѣры по устройству народной школы: усилить бюджетъ на народное просвѣщеніе оно въ нѣсколько лѣтъ можетъ сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлаетъ частная филантропія въ десятки лѣтъ», (стр. 278—279).

Статья А. Н. Пыпина вызвала возраженія со стороны журнала „Русская Мысль“, помѣстившаго небольшую, но весьма обстоятельную замѣтку ¹⁾, въ которой почти все наиболѣе существенныя замѣчанія г. Пыпина были разсмотрѣны критически. Хотя мы вполне раздѣляемъ высказанныя въ этой замѣткѣ возраженія, тѣмъ не менѣе съ своей стороны не можемъ, конечно, оставить безъ отвѣта замѣчаній г. Пыпина и потому считаемъ необходимымъ дополнить указанную замѣтку нѣкоторыми разъясненіями.

¹⁾ «Русская Мысль», 1891 г. № 2, Библиографическій отдѣлъ.

Разсматривая все приведенныя выше возраженія г. Пыпина, я прихожу къ заключенію, что одни изъ нихъ являются результатомъ явнаго недоразумѣнія, другія же слѣдуетъ объяснить тѣмъ чисто принципиальнымъ предубѣжденіемъ, которое питаетъ г. Пыпинъ въ качествѣ убѣжденнаго сторонника строго опредѣленныхъ либеральныхъ доктринъ къ той литературно-общественной фракціи, представителемъ которой я являюсь въ его глазахъ. Хотя въ своей статьѣ, рекомендуя насъ читателямъ, г. Пыпинъ и заявляетъ, что „авторъ—ревностный народникъ, но того разряда, который предпочитаетъ облекать народолубіе въ тѣ или другія фантастическія формы, а того, который направляется въ особенности на изученіе данныхъ фактовъ народной жизни, ихъ критическую оцѣнку и на указаніе ближайшихъ средствъ содѣйствовать народному интересу“,—тѣмъ не менѣе, однако, въ дальнѣйшемъ изложеніи своей статьи почтенный критикъ дѣлаетъ насъ какъ бы отвѣтственными за разныя теоретическія погрѣшности тѣхъ группъ народничества, изъ которыхъ онъ, повидимому, самъ же выдѣлилъ насъ и къ которымъ онъ относится вполне отрицательно и даже враждебно.

Только этимъ принципиальнымъ предубѣжденіемъ могу я объяснить себѣ тотъ фактъ, что намъ призывъ къ интеллигенціи о необходимости съ ея стороны активной и энергической дѣятельности на пользу просвѣщенія народа быть понятъ г. Пыпинымъ въ томъ смыслѣ, что мы все дѣло народнаго образованія, *въ полномъ его объемѣ*, признаемъ необходимымъ возложить на плечи интеллигенціи, т.-е. образованной части русскаго общества, устранивъ и освободивъ государство отъ всякихъ заботъ, отъ всякихъ обязанностей въ этомъ дѣлѣ. Приписать намъ подобную мысль, хотя и безъ всякихъ на то основаній съ нашей стороны, г. Пы-

пинъ, искреннее сочувствіе котораго дѣлу народнаго образованія не можетъ, разумѣется, подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, естественно побуждаютъ вооружиться противъ подобной постановки вопроса. Между тѣмъ, ни заглавіе нашей книги, ни подборъ и содержаніе помѣщенныхъ въ ней статей—ничто не давало права сдѣлать подобный выводъ, а также ничто не указывало на то, что мы въ настоящемъ своемъ трудѣ задались цѣлью рассмотреть вопросъ о народномъ образованіи *во всемъ его объемѣ*. Наша цѣль на этотъ разъ была совершенно иная.

(Какъ указываетъ и самое заглавіе нашей книги, мы желали, во-первыхъ, установить тѣ главныя требованія, тѣ важнѣйшіе запросы, которые въ настоящее время наиболѣе назрѣли въ народной массѣ въ области умственной, интеллектуальной жизни, а во-вторыхъ — освѣтить тѣ стороны вопроса о народномъ образованіи, въ которыхъ дѣятельность интеллигенціи, т.-е. образованной части русскаго общества, можетъ и должна принять наиболѣе близкое и активное участіе для удовлетворенія сказанныхъ запросовъ. Прежде всего сюда относятся заботы о внѣшкольномъ образованіи народа: изданіе книгъ и картинъ и распространеніе ихъ въ народной средѣ, устройство библіотекъ, читаленъ и книжныхъ складовъ, организація народныхъ чтеній и т. д.) Такимъ образомъ въ наши задачи совсѣмъ не входило ставить вопросъ о народномъ образованіи „универсально“, „во всей его широтѣ“. Отсюда само собою понятно, что намъ не предстояло никакой необходимости говорить о задачахъ и обязанностяхъ, лежащихъ на государствѣ по отношенію народнаго образованія.

На тему объ обязанностяхъ государства въ дѣлѣ народнаго образованія у насъ писалось и пишется очень много и очень многими; въ обширной литературѣ по этому вопросу

есть не мало капитальных трудовъ такихъ почтенныхъ дѣятелей, какъ князь Васильчиковъ, К. Д. Кавелинъ, баронъ Н. А. Корфъ и очень многіе другіе; наконецъ, на эту тему исписано у насъ тысячи журнальныхъ и газетныхъ статей. Всѣ эти труды, изслѣдованія и статьи выяснили вопросъ достаточно обстоятельно и всесторонне, давно и во-очію доказавъ, что „народное образованіе есть вопросъ жизни и смерти для государствъ нашего вѣка и что величіе современныхъ державъ зависитъ отъ числа грамотныхъ болѣе чѣмъ отъ числа солдатъ“ ¹⁾. Мысль о необходимости назначенія со стороны государства крупныхъ и щедрыхъ ассигновокъ на начальное народное образованіе давно уже сдѣлалась избитымъ, общимъ мѣстомъ; думаемъ, что мысль эта, какъ аксіома, не требуетъ уже доказательствъ, такъ какъ давно признана всѣми, кто только не относится къ дѣлу культуры съ точки зрѣнія Фамусова, видѣвшаго въ ученѣй причину всѣхъ золъ и бѣдъ и боявшагося его хуже чумы.

Тѣмъ не менѣе, однако, мы видимъ, что дѣло выиграло очень мало и почти совсѣмъ не подвинулось впередъ; оно по прежнему идетъ все съ той же чисто черепашьей медленностью; ассигновки на начальное народное образованіе по прежнему поражаютъ своей крайней ничтожностью, своей полной мизерностью. Если же въ нѣкоторыхъ городахъ и сравнительно въ немногихъ губерніяхъ дѣло начальныхъ народныхъ школъ сдѣлало замѣтные успѣхи и ведется вполне успѣшно, то этимъ населеніе почти всецѣло обязано общественнымъ учрежденіямъ, — городскимъ и земскимъ. Чѣмъ же объясняется подобное явленіе?

Г. Пышину, безъ сомнѣнія, очень хорошо извѣстно, что

¹⁾ Князь Васильчиковъ: «О самоуправленіи», Спб., 1872 г.

исторія культуры въ разныхъ странахъ даетъ множество доказательствъ того, что официальныя сферы, при наличности извѣстныхъ общественныхъ условій, крайне неохотно предпринимаютъ мѣры, имѣющія цѣлью широкое развитіе образованія въ народныхъ массахъ и что только подъ давленіемъ общественныхъ требованій, такъ сказать, уступая имъ, они мало-по-малу начинаютъ обнаруживать дѣятельность въ этомъ направленіи. Подобное же воздѣйствіе общества можетъ проявиться тѣмъ скорѣе и осязательнѣе, чѣмъ ближе подойдетъ само общество къ дѣлу народнаго образованія, чѣмъ больше оно заинтересуется имъ, чѣмъ активнѣе приметъ участіе въ его развитіи. Увидѣвъ на дѣлѣ все недостатки, все изъяны, все наболѣвшія нужды народнаго образованія, все тѣ тормазы, которыми обставлено это дѣло и которые мѣшаютъ правильному и успѣшному его развитію,—общество, безъ сомнѣнія, употребитъ со своей стороны все старанія для того, чтобы дѣло это было наконецъ поставлено правильно, широко и прочно.

Вполнѣ раздѣляя желаніе г. Пыпина относительно необходимости широкой, прочной, государственной постановки вопроса о народномъ образованіи, мы въ то же время совершенно отказываемся понять то презрительное отношеніе къ частной инициативѣ, которое явно сквозитъ во многихъ мѣстахъ статьи г. Пыпина. Казалось бы, примѣры другихъ, болѣе культурныхъ странъ,—примѣры, на которые такъ любитъ въ другихъ случаяхъ ссылаться г. Пыпинъ, должны бы убѣдить его въ необходимости иначе отнестись къ этому вопросу.

Цѣли и задачи народнаго просвѣщенія и воспитанія такъ велики, серьезны и сложны, что какъ бы много ни дѣлало государство въ этой области—для частной инициативы здѣсь всегда найдется обширное поле для дѣя-

тельности, найдется цѣлая масса работы. Въ статьѣ своей „Культурно-просвѣтительное движеніе въ русскомъ обществѣ“ мы приводимъ хотя краткія, но, тѣмъ не менѣе, весьма вѣскія данныя, указывающія на широкое участіе частной инициативы даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ на дѣло начального народнаго образованія обращено самое глубокое вниманіе со стороны государства, гдѣ для него дѣлается все возможное и гдѣ на это дѣло расходуются казной и общественными учрежденіями громадныя, нерѣдко по истинѣ колоссальныя суммы.

У насъ же, въ Россіи, гдѣ дѣло начального народнаго образованія находится, можно сказать, въ полномъ загонѣ и пренебреженіи, гдѣ заботятся не столько о развитіи этого дѣла, сколько о контролѣ и надзорѣ за нимъ, гдѣ на школы, на подготовку и содержаніе учителей, на библіотеки и т. п. тратятся лишь жалкія крохи изъ огромнаго бюджета, — у насъ въ виду этого необходимость въ широкомъ развитіи частной инициативы является еще болѣе неотложной, еще болѣе настоятельной.

(Наконецъ, въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія есть такія области, которыя вездѣ и всегда были достояніемъ частной инициативы и въ которыхъ государство обыкновенно не играло почти никакой роли. Къ числу подобнаго рода задачъ слѣдуетъ прежде всего отнести изданіе книгъ для народа и возможно болѣе широкое распространеніе ихъ въ народной средѣ. Разрѣшеніе этихъ именно задачъ, а также вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ ними, и составляло главную, важнѣйшую задачу нашего труда.)

Вмѣсто того, чтобы обращаться „къ подлежащимъ вѣдомствамъ“, которыя, какъ мы видѣли, нерѣдко бываютъ слишкомъ равнодушны и глухи къ нуждамъ и интересамъ народнаго просвѣщенія, мы предпочли адресоваться ко

всѣмъ образованнымъ людямъ страны, совершенно независимо отъ того, являются или не являются эти лица представителями тѣхъ вѣдомствъ, которыя имѣютъ „право и возможность принимать различныя мѣры“. Но такъ какъ всѣ „представители вѣдомствъ“, безъ сомнѣнiя, люди болѣе или менѣе образованные, культурные, то поэтому и наше обращенiе, наши призывы, направленные къ интеллигенциі вообще, относятся, разумѣется, въ равной степени и къ нимъ, какъ и ко всѣмъ другимъ образованнымъ людямъ, обыкновеннымъ смертнымъ, не принадлежащимъ ни къ какому „вѣдомству“. Выдѣлять же „представителей вѣдомствъ“ изъ общей массы интеллигентныхъ людей и къ нимъ предпочтительно адресоваться со своими обращенiями мы не имѣли никакихъ основанiй, такъ какъ кому же не извѣстно, что принадлежность къ вѣдомствамъ нерѣдко, къ сожалѣнiю, кладетъ особую печать на своихъ представителей, дѣлаетъ ихъ менѣе воспріимчивыми, замѣняя живое, горячее отношенiе къ дѣлу формальнымъ, рутиннымъ, чиновничьимъ исполненiемъ служебныхъ обязанностей. Самъ г. Пыпинъ не разъ въ своей статьѣ пугаетъ насъ инспекторомъ народныхъ училищъ и другими лицами школьной администраціи, которые, въ силу своего положенiя могутъ при настоящихъ условiяхъ затормозить самыя благія намѣренiя интеллигентныхъ людей, стремящихся принести посильную пользу дѣлу народнаго образованiя. Но вѣдь указанныя лица являются типичными представителями той власти, тѣхъ самыхъ вѣдомствъ, къ которымъ г. Пыпинъ столь настойчиво рекомендуетъ намъ адресоваться со своими доводами о необходимости энергической дѣятельности на пользу народнаго образованiя. Въ этомъ мы не можемъ не видѣть нѣкотораго противорѣчiя, въ какое въ данномъ случаѣ впадаетъ почтенный критикъ.